

Глава 38. День рождения

В ту ночь карета неспешно въехала через городские ворота в Хуайчжоу.

Учитель и ученик выбрали лучший постоянный двор и остановились там на ночлег.

Юй Уцюэ взял на себя обязанности марионетки-слуги Кунчжи. Он хлопотал без устали: велел трактирному слуге принести горячей воды, разогрел поздний ужин и принёс всё это в комнату шифу.

Хэ Бугуй тщетно пытался найти какую-то вещь, перевернув всё вверх дном. Комната выглядела так, словно по ней прошёлся ураган.

— Где мешочек цзянькунь?

Юй Уцюэ послушно убирал разбросанные вещи, следуя за ним по пятам.

— В моей комнате, шифу.

— Принеси.

Юй Уцюэ помог ему снять верхнее одеяние.

— Время позднее, шифу, ложитесь спать.

Хэ Бугуй уселся на стул, прижимая к груди грелку для рук.

— Мне осталось дочитать самую малость, только конец книги. Вот дочитаю и лягу. Принеси.

Юй Уцюэ не тронулся с места. Хэ Бугуй промолчал, недовольно глядя на ученика. Некоторое время они упрямо мерили друг друга взглядами, но в конце концов учитель сдался. Он примиряюще поднял указательный палец:

— Клянусь, почитаю лишь столько, сколько горит одна благовонная палочка.

Глядя на этот длинный изящный палец, Юй Уцюэ едва сдержал улыбку. Делать нечего — пришлось пойти к себе, забрать пространственные мешочки и притащить их учителю. Заодно он прихватил ещё пару тарелок с чаем и сладостями, заботливо ворча:

— Только одну палочку, шифу, не обманывайте меня. Как время выйдет, я обязательно

посмотрю на ваши окна — погас ли свет. И приняли ли вы пилюли от простуды?

— Принял, принял. Ступай уже, — отмахнулся Хэ Бугуй, утомлённый его болтовнёй, и указал на дверь. — Дорога в последние дни была тяжёлой, завтра поспи подольше.

Дверь тихо притворилась. Хэ Бугуй прислушался к звукам снаружи. Убедившись, что в соседней комнате тоже закрылась дверь, он зажёл благовонную палочку, поставил её в курильницу и лишь тогда не торопясь разделся, чтобы принять ванну.

В морозные снежные дни пальцы быстро деревенели, а грубыми руками тонкую работу не сделать. Хэ Бугуй грелся в деревянной лохани до тех пор, пока его ладони не покраснели от тепла. Выбравшись из воды, он вытерся, небрежно перевязал мокрые волосы лентой, закатал рукава и уселся за стол. Разложив перед собой инструменты, он погрузился в глубокие раздумья.

Никакую книгу он, конечно, читать не собирался. У несносного мальчишки сегодня день рождения. Раз уж Хэ Бугуй об этом узнал, следовало подготовить достойный подарок — хотя бы в награду за ту чрезмерную заботу, которой его последнее время окружал ученик.

Но что ему подарить?

Имея столь искусные руки, Хэ Бугуй мог сотворить любое чудо света. Да вот только времени у него была всего одна ночь. Выковать хороший меч он бы не успел, а для создания мощных артефактов требовался горн Парящего дворца. Изготовить что-то полезное для самосовершенствования тоже не выйдет. Оставалось лишь сделать какую-то деталь одежды или украшение.

Подперев ладонью щеку, Хэ Бугуй продолжал размышлять.

Одеяния, обувь, вышитые мешочки, платки, ленты для волос или нефритовые подвески... Всё это сделать несложно, но такие подарки слишком отдавали нежностью, неуместной в их отношениях. Пристало ли ему, учителю, дарить подобное? Сам он с малых лет носил вещи, сшитые руками Старейшины Сюаньцзи, но тот заменил ему отца, так что в этом не было ничего странного. А вот самому делать такие подношения... Хэ Бугуй ощущал неловкость.

К тому же, если этот сорванец узнает, что его шифу, взрослый мужчина, посреди ночи тайком орудует иглой с ниткой, то точно поднимет на смех.

Значит, оставался только головной убор — венец для волос.

Семья Юй Уцюэ жила бедно, да и бабушка Гуань Ся никогда не гналась за роскошью. Её внук из года в год носил одну и ту же простую серебряную заколку-венец. Подарить ему новый венец — самое милое дело.

В пятнадцать лет юноша собирает волосы в пучок, а в двадцать проходит обряд совершеннолетия и надевает венец. Сделать такой подарок ученику для наставника было более чем уместно.

Пока он раздумывал, благовоние успело догореть.

Хэ Бугуй установил звукоизолирующий барьер и задул в комнате свечи. Оставшись в крошечной тьме, он замер и стал ждать. Довольно скоро в соседней комнате действительно тихо скрипнула дверь. Смутный силуэт крадучись приблизился к его порогу. Убедившись, что в покоях учителя темно, тень так же бесшумно скользнула обратно к себе. Хэ Бугуй невольно усмехнулся, покачав головой. Он выкатил на стол крупную жемчужину ночного сияния и принялся за работу.

Он резал, гравировал, шлифовал камень на неудобном точильном круге... Провозившись без малого шесть часов, когда на востоке уже забрезжил рассвет, он наконец закончил вещь и остался доволен результатом.

Стоило Хэ Бугую, зевая во весь рот, без сил рухнуть на постель, как за стеной снова отворилась дверь.

Умывшись и приведя себя в порядок, Юй Уцюэ, бодрый и свежий, отправился упражняться с мечом.

Всю ночь он не сомкнул глаз. Юй Уцюэ и подумать не мог, что Хэ Бугуй решит задержаться на пару дней в Хуайчжоу только ради его дня рождения. Сердце затапливала радость, но в то же время юноша переживал: близился праздник, а они остались совсем одни. Вдруг учителю будет неуютно? Потренировавшись часа четыре и заметив, что шифу всё ещё поживает, Юй Уцюэ решил развеяться и отправился на бурлящий городской рынок за лакомствами.

К счастью, до кануна Нового года оставался ещё день. Горожане всюду закупали праздничные припасы, улицы гудели от суеты. Юй Уцюэ побродил среди прилавков, разузнал у местных, где готовят лучшие угощения, накупил всяких яств и поспешил обратно, желая порадовать шифу свежими деликатесами.

Хэ Бугуй проснулся лишь тогда, когда солнце поднялось высоко над горизонтом.

За обедом Юй Уцюэ болтал без умолку. Сколько длилась трапеза, столько он и делился утренними впечатлениями. Наконец, преданно заглядывая учителю в глаза, он спросил:

— Шифу, может, прогуляемся после обеда? На улице так празднично и шумно!

— И не подумаю. От этой толкотни у меня только голова разболится, — Хэ Бугуй изящно промокнул губы платком, достал увесистый кошель и бросил его ученику. — Держи. Это на

праздничные покупки.

В кошельке лежала сотня золотых нефритов — сумма, на которую можно было выкупить десяток роскошных постоянных дворов. Юй Уцюэ даже присвистнул от изумления:

— Куда столько? Здесь слишком много!

— Купи подарки для старших братьев и сестёр, для бабушки с дедушкой и для тех учеников, с кем ты дружен, — щедро бросил Хэ Бугуй. — Я в этих вещах не смыслю, бери то, на что глаз ляжет. И про себя не забудь. Считаю это платой за то, что правил повозкой все эти дни.

— Но вы же обещали погулять со мной!

— Я сказал, что ты можешь погулять, а не то, что я пойду с тобой, — отозвался сонный Хэ Бугуй. — Возвращайся поскорее.

— Без вас всё не то. Настоящая прогулка бывает только вдвоём, а в одиночку — это так, бесцельное шатание. Ну пойдёмте же! В начале Западной улицы продают засахаренные фрукты на палочках. И не какое-нибудь там обычное яблоко или клубнику, а редкие снежные ягоды! Таких больше нигде не сыскать. Позвольте мне угостить вас.

Хэ Бугуй на мгновение оживился.

— А сахарные фигурки там делают?

— Ещё как! Старик-торговец держит там лавку больше двадцати лет, — принялся выдумывать на ходу Юй Уцюэ. — Он даже самую модную картину сможет нарисовать: «Юй Уцюэ сокрушает девятиглавого демона»! Пойдёмте же, я куплю вам одну.

Хэ Бугуй только открыл рот, силясь понять, кому вообще придёт в голову есть «Юй Уцюэ, сокрушающего девятиглавого демона», но опомниться не успел, как этот настырный мальчишка уже увлёк его за собой на праздничную улицу.

Город цвёл и пестрил красками. Из-за приближения праздника торговцы зеленью, вином, фейерверками, шелками и атласом выкатили свои тележки прямо к дверям лавок, отчего и без того узкие улочки сузились до предела. Хэ Бугуй, терпеть не любивший шумные сборища, то и дело наткался на прохожих. На подоле его белоснежного даосского одеяния быстро появилось несколько грязных следов от чужой обуви.

Юй Уцюэ, напротив, обожал уличную суету и с любопытством озирался по сторонам. Он шёл впереди, грудью прокладывая дорогу наставнику, и поминутно оглядывался, проверяя, не отстал ли тот в толпе.

Потеряться здесь было трудно — людской поток сам нёс Хэ Бугуя вперёд, а со всех сторон к нему наперебой тянулись зазывалы со своими товарами. Наставник и ученик, облачённые в летящие даосские одежды, статные и благородные, казались сошедшими со старинных свитков небожителями. В этой суматохе они выглядели настолько чужеродно и величественно, что мгновенно приковывали к себе взоры. Юные девицы и почтенные матроны сначала робко косились на них украдкой, но вскоре уже без зазрения совести глазели во все глаза, приветливо улыбаясь, а некоторые, особо смелые, принялись бросать им под ноги и на плечи расшитые платки и шёлковые цветы.

Юй Уцюэ отличался добродушным нравом, и если кидали в него, он лишь посмеивался. Но когда шёлковые подношения летели в его шифу, это парню совсем не нравилось. Поймав на лету пару платков, словно назойливых мух, он решительно придвинулся к Хэ Бугую:

— Шифу, держитесь за меня крепче. Не ровен час, прилетит чем-нибудь тяжёлым по голове.

— Глупости. Подумаешь, цветы. Я же не из бумаги сделан, — Хэ Бугуй раздражённо отмахнулся от его руки. Заметив, что обе руки ученика уже увешаны узлами и свёртками, он недовольно буркнул: — Что тебе ещё нужно купить?

Засахаренные ягоды они уже съели, сахарную фигурку тоже купили. Хэ Бугуй сгрыз лакомство с таким видом, будто ничего и не было, и, быстро устав от праздничной толкотни, то и дело порывался уйти.

Юй Уцюэ же пребывал в прекрасном расположении духа:

— Да я и сам не знаю! Тут столько всего интересного, давайте ещё немного осмотримся. Нечасто ведь удаётся выбраться в город.

Хэ Бугуй тяжело вздохнул:

— У меня ноги отнимаются.

«Ну вот, началось, — с улыбкой подумал Юй Уцюэ. — Опять капризничает».

— Хорошо-хорошо, сейчас найду приличную чайную, там и передохнёте.

— Не хочу в чайную, — Хэ Бугуй обвёл взглядом бурлящую улицу. — Где здесь лучшее заведение, чтобы пообедать?

— Чуть дальше по улице, в Обители Павшего Бессмертного! — звонко подсказала какая-то бойкая девушка из толпы.

Хэ Бугуй скользнул по ней вежливым взглядом, коротко кивнул и повернулся к ученику:

— Мы идём в Обитель Павшего Бессмертного.

— Слушаюсь, — Юй Уцюэ мягко увлёк его за собой. — Вы подождёте меня там, присмотрите за вещами и проверите, всё ли на месте. А я сбегаю докупить то, чего не хватает.

В итоге Хэ Бугую пришлось в одиночестве коротать время в Обители Павшего Бессмертного за чашкой чая. Он снял лучшую отдельную комнату, которую до самого потолка завалили праздничными покупками. За окном уже начали сгущаться сумерки, из кухни доносились умопомрачительные ароматы еды, желудок настойчиво требовал пищи, а терпение подходило к концу. Юй Уцюэ ввалился в комнату в самый последний момент, когда Хэ Бугуй уже готов был взорваться от гнева.

Парень держал в руках большой красный фонарь и с порога протянул его учителю:

— Держите!

Хэ Бугуй, зябкий и голодный, недовольно отвернулся:

— Не нужно мне это.

— Посмотрите, шифу, какая тонкая работа из бумаги. Когда поедем назад, прикрепим его к повозке — будет очень нарядно, — Юй Уцюэ заметил его хмурый вид и виновато спросил: — Проголодались?

Хэ Бугуй молча кивнул.

— Почему так долго?

— Дел оказалось невпроворот, — Юй Уцюэ принялся загибать пальцы: — Нужно было купить подарки для Главы дворца Бая, Бессмертной Тайцин, Истинного человека Чансы, Истинного человека Юнлэ, дедушки с бабушкой, а ещё для Юэ Тинфан, младшей сестры Цзи, У Цинланя, брата Сяо и сестры Лань...

— А себе ты что взял? — прервал его Хэ Бугуй.

Юй Уцюэ вернул ему потяжелевший кошелек:

— Да мне особо ничего и не нужно, так что себе я ничего не покупал. Праздник ведь должен приносить радость, а для счастья мне вполне достаточно того, что вы рядом.

Хэ Бугуй пропустил мимо ушей ласковую концовку, ухватившись лишь за первые слова:

— Ничего не нужно?

— Совершенно ничего, — подтвердил Юй Уцюэ.

— И впрямь ничего? А ты подумай хорошенько. Одежда твоя совсем поизносилась.

Юй Уцюэ недоуменно потянул себя за рукав:

— Да нет же, эти парадные одежды совсем недавно сшили марионетки-швей, они почти новые.

— Обувь тоже выглядит так, будто жмёт, — упрямо гнул своё Хэ Бугуй.

Юй Уцюэ пошевелил пальцами ног:

— Вовсе нет. Подошву для этих сапог бабушка своими руками подшивала и отдала мне прямо перед отъездом.

Хэ Бугуй не унимался, продолжая выискивать недостатки:

— Твой венец для волос... Старшим ученикам не пристало носить подобное убожество.

Юй Уцюэ коснулся макушки и смущённо улыбнулся:

— Когда мне исполнилось пятнадцать, бабушка специально спустилась с горы, чтобы купить его для меня. Я ношу его уже много лет и просто не могу с ним расстаться.

Крыть было нечем. Хэ Бугуй замолчал. Решив, что учитель сердится из-за растраты денег на чужие подарки в ущерб себе, Юй Уцюэ поспешил добавить:

— Вашему ученику действительно ничего не нужно, у меня всё есть.

«Раз так, — с досадой подумал Хэ Бугуй, — зачем я, спрашивается, не спал всю ночь и вырезал этот проклятый венец?»

Он поправил рукава одеяния и буркнул:

— Ладно, вели подавать ужин.

Появившийся слуга принялся расписывать фирменные блюда заведения. Хэ Бугуй заказал почти всё без разбору, а затем грозно посмотрел на ученика:

— Пока всё не съешь, из-за стола не выйдешь.

Больше двадцати тяжелых, сытных блюд... Даже свиней так не откармливают.

— Бессовестный трактир, — прошептал Юй Уцюэ. — Видят же, что нас всего двое, а несут еду без остановки, хоть бы слово сказали.

Хэ Бугуй окликнул уже собиравшегося уходить слугу:

— Погоди. Лапша долголетия у вас есть?

— Разумеется, почтенный даос! Вам две порции? — угодливо закивал тот.

— Нет, одну. Но чтобы чаша была вот такой ширины, — Хэ Бугуй широко развёл руками, показывая немыслимый размер, и нетерпеливо махнул рукой: — Ступай и принеси поскорее.

Юй Уцюэ лишь ошарашенно застыл.

Подали лапшу в огромной чаше величиной с половину стола. Раз уж Юй Уцюэ виновник торжества, ему волей-неволей придётся съесть всё до последней капли. Он никак не мог взять в толк, на кого и почему так язвительно дуется учитель. Стоило парню потянуться палочками к какому-нибудь блюду, как Хэ Бугуй тут же демонстративно убирал его в сторону.

— Шифу, скажите на милость, чем я вам досадил? Если я в чём-то виноват — только скажите, я всё исправлю. Пожалуйста, не сердитесь и поешьте нормально.

Когда Хэ Бугуй упрямылся, его не смогли бы урезонить и десять Старейшин Сюаньцзи разом.

Он холодно произнёс:

— Повтори то, что сказал сейчас. Твоя одежда изнасилась.

Юй Уцюэ вздохнул, понимая, что спорить бесполезно:

— Хорошо... Я куплю себе новые одежды.

— И обувь тебе мала.

— И обувь куплю. На те деньги, что вы мне дали.

— И венец для волос.

«О, этот вопрос мне под силу!» — сообразил парень и поспешил ответить:

— Конечно! Новый венец! Я сию же минуту отправлюсь за ним!

— В этом нет нужды, — Хэ Бугуй извлёк из широкого рукава изящную шкатулку и со стуком опустил её на стол прямо перед учеником. — Забирай.

Юй Уцюэ оцепенел от неожиданности. Он бережно приоткрыл крышку шкатулки. Внутри покоился белоснежный, полупрозрачный венец, искусно вырезанный из чистейшего нефрита сорта «баранье сало». По бокам красовались рельефные изображения парящих журавлей, а на лицевой стороне мерцал покрытый позолотой узор в виде лотоса — символ Дворца Небесного Предела. Сбоку виднелся небольшой паз, предназначенный, по всей видимости, для журавлиного пера. Сзади в венец был встроен полый резной нефритовый шар, внутри которого мягко переливалось едва заметное духовное сияние.

Прилагающаяся к нему шпилька тоже была шедевром ювелирного искусства: её навершие венчал такой же полый шарик в форме лотоса, а острый кончик был покрыт особым сплавом. В случае нужды шпилька могла послужить грозным оружием, а в мирное время — защитить владельца от любого яда.

Такая филигранная, почти божественная работа могла принадлежать лишь рукам Хэ Бугуя. Юй Уцюэ охватил такой восторг, что он лишился дара речи. Прижав шкатулку к груди, он расплылся в счастливой улыбке:

— Шифу, вы обманули меня! Сказали, что будете читать книгу, а сами всю ночь трудились над этим чудом!

Вместо благодарности этот негодник вздумал отчитывать его за поздний сон! Хэ Бугуй возмущённо вытянул руку:

— Не нравится — верни назад.

— Как можно! — Юй Уцюэ крепче вцепился в подарок. — Это ведь сделано вашими руками. Мало того, что вещь бесценна, так в неё ещё и вложена ваша забота. Я ни за что с ней не расстанусь.

Юй Уцюэ долго любовался подарком, он так и светился восторгом. Хэ Бугуй, стараясь казаться равнодушным, небрежно спросил:

— Тебе действительно нравится?

— Безумно! — горячо отозвался ученик. — Я никогда в жизни не получал ничего подобного!

Хэ Бугуй недоверчиво фыркнул:

— Не выдумывай. Разве Цзи Сюэвэй не дарила тебе расшитый платок? А У Цинлань — браслет?

— Это совсем другое, — возразил Юй Уцюэ.

— И в чём же разница?

— Сам не знаю. Обмениваться подарками с друзьями — дело обычное. На Праздник середины осени я и сам смастерил курительную трубку для Истинного человека Чансы... Но этот подарок... — Юй Уцюэ говорил мягко, словно успокаивая капризного ребёнка, но в каждом его слове звучала искренность: — Раз его подарили вы, он для меня особенный.

Слова прозвучали простодушно и даже как-то глупо, но попали в самую цель.

У Хэ Бугуя отлегло от сердца, настроение мгновенно улучшилось.

— Понятно. Ешь давай.

— Постойте, шифу, помогите мне, — Юй Уцюэ в мгновение ока стянул с головы свой старый серебряный венец и опустился на колени прямо перед Хэ Бугуем, оперевшись руками о его колени. — Наденьте его на меня.

Стоило снять старое украшение, как шёлковая лента соскользнула, и густые иссиня-чёрные пряди рассыпались, волной укрыв колени наставника. Юй Уцюэ обернулся и улыбнулся. Длинные волосы мягко обрамляли его лицо, скрывая половину щеки. Обычно в его облике сквозила чисто юношеская, задорная удаль, но сейчас в нём проступило странное, почти пугающее очарование, а улыбка казалась лукавой и дерзкой.

Хэ Бугуй бережно собрал шелковистые пряди в ладонь, долго возился с ними, но в конце концов обречённо вздохнул:

— Я не умею собирать волосы в пучок.

— Неужели есть что-то, чего мой шифу не умеет? Как же вы тогда причёсываетесь по утрам?

— Себе — совсем другое дело. Но чужую голову я привожу в порядок впервые.

Юй Уцюэ беспечно махнул рукой:

— Да как получится, так и сделайте. Главное — наденьте его.

Кое-как, путаясь в прядях, Хэ Бугуй закрепил волосы шпилькой, но великолепный изящный венец безбожно съехал набок. Наставник сокрушённо покачал головой:

— Всё, садись за стол и ешь.

Как раз в этот момент слуга внёс дымящуюся чашу. Заметив, что венец на голове молодого господина сидит набекрень, он прыснул со смеху. Юй Уцюэ шутливо выставил парня за дверь, отложил Хэ Бугую щедрую порцию лапши долголетия, после чего придвинул свой табурет вплотную к учителю:

— Надо же, шифу решил порадовать меня подарком, а сам надулся так, словно мы поссорились.

Хэ Бугуй, будучи человеком гордым и ранимым, прекрасно понимал, как нелепо выглядит со стороны, но упрямо возразил:

— И ничего я не надулся. Просто тебе вечно ничего не нужно.

— Хорошо-хорошо, виноват, признаю, — мягко рассмеялся Юй Уцюэ. — Кушайте не торопясь, лапша только из печи, очень горячая.

В груди Юй Уцюэ разливалось щемящее тепло. Он заворожённо разглядывал профиль своего наставника, сосредоточенно уплетавшего лапшу, и в эту минуту Хэ Бугуй казался ему невероятно трогательным. Этот человек, желая сделать кому-то добро, вечно выдумывал нелепые предлоги, а потом швырял свои дары, словно зажжённый фейерверк. Прежде парень списывал это на обычные капризы и скверный нрав, но теперь, когда ему открылись истинные мотивы шифу, в его душе смешались острая нежность и чистая радость. Чувства переполняли его, заставляя неотрывно смотреть на лицо учителя.

Хэ Бугуй почувствовал этот пристальный взгляд и смутился:

— У меня что-то на лице?

— Вовсе нет, вы прекрасны, — легко произнёс Юй Уцюэ. — Слышали ли вы когда-нибудь выражение «ликом прекрасен так, что и пища не нужна»?

Хэ Бугуй закатил глаза и уткнулся в свою миску:

— Поменьше читай глупых любовных романов.

— Шифу, а когда ваш день рождения?

— Мне не нужны твои ответные дары, — невнятно пробурчал Хэ Бугуй с набитым ртом.

— Да при чём тут дары! Такой ценный подарок мне вовек не возместить, я просто хочу знать, — Юй Уцюэ придвинулся ещё ближе. — В лучшем случае я смогу приготовить для вас праздничную лапшу. Вам ведь не нравится эта, верно?

— Терпеть не могу.

— Моя лапша куда вкуснее. Обещаю, что отныне в каждый ваш день рождения буду готовить её сам. Ну же, назовите дату.

С тех пор как ушёл из жизни Старейшина Сюаньцзи, никто больше не баловал Хэ Бугуя лапшой долголетия.

Он задумчиво уставился на колыхающийся бульон и тихо произнёс:

— В день Цзинчжэ, когда пробуждаются насекомые.

— Хорошо, ваш ученик запомнил.

Юй Уцюэ принялся уплетать еду за обе щеки. Быстро покончив с двумя огромными пиалами лапши, он, дабы утешить наставника, совершил настоящий подвиг и приговорил почти все заказанные деликатесы. Под конец трапезы он заметил, что Хэ Бугуй то и дело засыпает на ходу. Парень мягко убрал со лба учителя растрепавшуюся прядь:

— Устали, шифу?

— Угу...

— Пойдёмте назад, вам нужно отдохнуть.

На заснеженных улицах вечернего города лишь несколько торговцев не спешили сворачивать свои лавки. Повсюду покачивались алые бумажные фонарики. Один из них держал в руке Хэ Бугуй. Юй Уцюэ шёл рядом, навьюченный многочисленными свёртками, а свободной рукой осторожно придерживал учителя за широкий рукав.

Из-за бессонной ночи наставника теперь отчаянно клонило в сон. Шаг его сделался неровным,

он едва переставлял ноги, покорно следуя за учеником, а его сонный голос звучал непривычно мягко и лениво.

— Замёрзли?

— Немного.

— У меня очень тёплые руки, хотите подержаться покрепче?

— Нет необходимости.

— Но вам же холодно. Позвольте мне согреть ваши ладони.

— Убери руки, что за ребячество.

Чем упорнее Хэ Бугуй отказывался, тем сильнее в Юй Уцюэ просыпалось упрямство. Он настойчиво перехватил холодные пальцы наставника и сжал их в своей горячей ладони. Сердитый взгляд учителя парень попросту проигнорировал с самым невозмутимым видом. Вырвать руку Хэ Бугуй так и не смог, к тому же чужое тепло действительно приятно согревало кожу, так что в конце концов он смирился и позволил вести себя за руку.

— Как вернёмся, сразу ложитесь спать. Никаких ночных бдений. Если вы снова решите нарушить режим, я самолично залезу к вам через окно!

— Какой же ты невыносимый.

— А что поделать? Сами ведь взяли меня в ученики... Ой-ой-ой, шифу, только не щипайтесь!

— Ай!

— Ну всё-всё, прекратите!

День рождения отпраздновали, подарками запаслись, и оставаться в Хуайчжоу больше не имело смысла. В канун Нового года город словно вымер: двери лавок и ставни окон были наглухо закрыты, жители разошлись по домам встречать праздник в кругу семьи. Улицы опустели. Направив повозку к воротам, Юй Уцюэ погнал лошадей прочь из города.

Спустя два дня пути они повстречали возвращающегося назад Кунчжи.

Хэ Бугуй отодвинул плотную занавеску кареты:

— Почему ты вернулся? Глава дворца Бай велел тебе прибыть?

Кунчжи почтительно склонил голову:

— Докладываю хозяину: племя демонов устроило засады на ключевых дорогах. В последние дни несколько даосских орденов уже подверглись внезапным нападениям. В окрестностях Дворца Небесного Предела также замечены вражеские отряды. Глава дворца, беспокоясь о вашей безопасности в пути, отправил меня вам навстречу.

Хэ Бугуй нахмурился. Выпустив тонкую нить духовного восприятия, он просканировал раскинувшиеся вокруг горные цепи. Опасения подтвердились: повсюду виднелись следы ауры лазутчиков. Однако людей поблизости не было. Кое-где из догорающих костров ещё вился сизый дым, будто враги спешно снялись с места всего несколько минут назад.

— Засады на подступах к Дворцу Небесного Предела устраивали люди из Зала Яростных Ласточек, — пояснил Кунчжи. — Поскольку этой дорогой в ближайшие дни могли проехать только вы, они спешно свернули лагерь и отступили.

— Значит, и Зал Яростных Ласточек втянули в эту смуту? — задумчиво произнес Хэ Бугуй.

— Трудно сказать, по воле сердца они действуют или под чьим-то давлением. Но раз уж они предпочли уступить вам дорогу, значит, всё ещё помнят о вашем благодеянии и спасённых жизнях.

— Что ещё произошло за время нашего отсутствия? Говори кратко и только о самом важном.

— На сей раз демоны твёрдо вознамерились отвоевать себе место под солнцем. Они тайно стянули силы и взяли под контроль пограничные поселения и города. Прежде обитатели суши и морских глубин враждовали между собой, но теперь они объединились. Из Башни Воющей Луны пришли тревожные вести: Архипелаг Разбитой Луны полностью прервал всякое сообщение с внешним миром и перекрыл морские пути. Из-за этого пострадал даже Город Тысячи Журавлей.

Блокада Архипелага Разбитой Луны не сулила ничего хорошего.

— Запрягайте в повозку скакунов-лушу, — приказал Хэ Бугуй. — Нам нужно вернуться во дворец как можно скорее.